

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

АЛЕКСЕЙ КУНГУРОВ

**КОНЕЦ
ЭПОХИ
ПУТИНА**

ЗАПИСКИ ПОЛИТОЛОГА

Алексей Анатольевич Кунгуров
Конец эпохи Путина.
Записки политолога
Серия «Проект «Путин»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65272077

*Конец эпохи Путина. Записки политолога / А.А. Кунгуров: Алгоритм;
Москва; 2021*

ISBN 978-5-907363-13-7

Аннотация

Эта книга уникальна: Алексей Кунгуров, популярный писатель и публицист, написал ее, отбывая срок в российской тюрьме по политическим обвинениям. Однако книга не является ни памфлетом, ни политической программой – это взвешенное аналитическое произведение, опирающееся на большое количество фактического материала.

Глубокий анализ «эпохи Путина» А. Кунгуров дополняет историческим обзором прошлого России. В его книге читатель найдет многие знакомые персонажи: Сталин, Брежнев, Ельцин, других политических деятелей. На их примере автор показывает, что эпоха авторитарного правления завершается. В России начинается новый исторический период с иными формами политики и экономики.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Самоуничтожение как национальная идея	8
Динозавры умрут от голода	19
Кто делает революцию?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей Кунгуров

Конец эпохи Путина.

Записки политолога

© Кунгуров А.А., 2021

© ООО «Агентство Алгоритм», 2021

Предисловие

Читатель, все, что ты прочтешь ниже, написано мною в путинских застенках, в период с июля 2016-го по март 2018-го. Комментировать текущие события не имел никакой возможности, я о них узнавал обычно с месячным опозданием из писем, которые присылали с воли. Комментаторов событий и без меня хватает – от них в интернете тесно. Мне же захотелось показать не трактовки текущих явлений, а их внутренние механизмы, объяснить логику происходящего. Если ты знаешь, что произошло, – у тебя есть информация о прошлом, но будущее будет скрыто непроницаемой мглой.

Однако если понимаешь, почему это произошло, можно уже моделировать будущее, руководствуясь логикой социального генезиса. Именно поэтому я апеллирую по большей части к историческим аналогиям. Ключ к пониманию будущего всегда лежит в прошлом.

В работе я почти не имел возможности обращаться к справочной литературе, опираясь в основном на память, а это вещь не очень надежная. Поэтому, надеюсь, читатель простит мне неизбежные в этом случае мелкие ошибки и неточности или избыточную утрированность исторических примеров. Но еще раз акцентирую внимание, что для понимания системных процессов, происходящих в обществе, требуется широкое обобщение, нужно взглянуть на исторические про-

цессы как на горы с высоты птичьего полета, и тогда вместо хаотичного нагромождения камней начинаешь видеть структуру горных хребтов и разломы земной коры.

В повседневной суете мы часто не наблюдаем за деревьями леса. Длительная же изоляция в тюремной камере дает почти недоступную современному человеку, ослепленному калейдоскопическим мельтешением мусорного информационного потока, роскошь – время для осмысления известного.

Надеюсь, мои рассуждения будут интересны вам вне зависимости от того, согласитесь вы с выводами автора или пожелаете яростно их оспорить.

Часть I

Россия в сумерках заката

Самоуничтожение как национальная идея

Можно ли спрогнозировать (предсказать, предугадать) революцию? Я полагаю, что это принципиально невозможно, несмотря на то что всякая революция происходит на стыке четко фиксируемых условий. Мы можем наблюдать эти факторы в развитии и взаимодействии друг с другом, однако никакая математическая модель не в силах приподнять завесу над самым ближайшим будущим.

Это так же верно, как и то, что невозможно рассчитать исход артиллерийского боя в открытом море, между двумя тяжелыми крейсерами и одним линкором. Да, все объективные характеристики боевых кораблей мы можем формализовать и сравнить: скорость, маневренность, толщину брони, калибр орудий, массу залпа. Мы можем даже оперировать такими показателями, как статистическая вероятность поражения цели на той или иной дистанции.

Но как можно рассчитать такие субъективные характеристики, как морально- психологическое состояние экипажей,

их боевой дух, вера в командиров? По какой шкале и в каких единицах измерения можно оценить выучку моряков, ценность полученного ранее боевого опыта? Как поведут себя командиры кораблей? От них зависит, состоится ли вообще бой. Вполне возможно, что одна или обе стороны сочтут целесообразным избежать столкновения. Если все же бой произойдет, его исход может быть решен одним единственным снарядом, даже не самым мощным, который поразит мостик линкора, выведет из строя пункт управления огнем или повредит винты корабля, лишив его хода и маневренности. Так же и крейсера в темноте или тумане могут принять свои нечеткие силуэты за врага и лупцевать друг друга до «победного» конца. Бывали и такие случаи в военно-морской истории.

Прогнозирование революции – дело еще более сложное. Ход истории крайне трудно смоделировать, особенно в переломные моменты. Поэтому я постараюсь описать лишь базовые, фундаментальные причины возникновения революционной ситуации, не пытаясь предсказывать ход революционного кризиса, назревающего в России.

Возникновение революционной ситуации и перерастание ее в революцию обусловлено тремя базовыми факторами:

- системным фактором (он объясняет, ПОЧЕМУ произошла революция);
- фактором условий (от него зависит, КОГДА революция случится);

– субъектным фактором (он определяет, КАКОЙ революция будет).

Исследование системного фактора позволяет осознать неизбежность краха существующего в РФ порядка. Система нежизнеспособна, поскольку в самой ее парадигме заложен механизм самоуничтожения, который самовоспроизводится с все нарастающей силой. Главным бенефициаром режима является паразитический класс чиновников. Власть для них – главный экономический актив. Цель обладания властью – скорейшая ее монетизация. А как можно обогатиться в максимально короткие сроки, учитывая, что обладание властью ограничено по времени, а возможность передачи власти по наследству хоть и возможна (примеров тому масса), но не гарантирована?

Ответ очевиден: любой упырь, дорвавшийся до власти, стремится присвоить как можно большую часть ранее созданного общественного продукта. Я не говорю «украсть» потому, что кража есть акт незаконный. Наш же правящий класс, который получил меткое наименование «элита утилизации», имеет все возможности создать условия для законного обогащения.

Законы ВСЕГДА отражают в первую очередь интересы правящего класса, которые он навязывает всему обществу, пользуясь своим доминирующим положением. У власти в РФ находится шайка клептократов, соответственно, и законы у нас защищают интересы клептократов. Присвоение чу-

жого становится законным. Уже более четверти века клептократическая элитка пытается навязать обществу представление о том, что такое положение вещей не только законно, но и **СПРАВЕДЛИВО**.

Давайте посмотрим на такой больной вопрос, как приватизация. То, что она законна, сомнений не вызывает. Вы не согласны? Ну, тогда скажите, какой закон был нарушен Ходорковским и Алекперовым? Вот то-то и оно – если не было закона о приватизации, то и нарушение его невозможно. А согласно основополагающему принципу римского права незаконным является лишь то, что запрещено.

Убедить массы в справедливости приватизации, то есть передачи общественной собственности в руки избранных лиц, уже сложнее, но и эта задача в общем и целом властью решена. Общество в массе своей приняло навязанный клептократией постулат о том, что равенство, справедливость и взаимопомощь – устаревшие понятия. Отныне надо стремиться к эффективности, сегрегации и конкуренции – только это, дескать, обеспечивает прогресс.

Совковых пенсионеров еще можно легко убедить в том, что пенсия у них маленькая, а лекарства дорогие потому, что Дерипаски с Абрамовичами «все покрали в лихие 90-е». Но молодое поколение, оформившееся в постсоветскую эпоху, воспринимает сложившееся положение как данность. Неравенство прав и возможностей, сегрегация по имущественному признаку в его глазах легитимны. Люди не стремятся к из-

менению существующего порядка, они стремятся подняться над остальными, выйти в число избранных и употребить господствующее положение себе во благо. Разве не в этом заключается суть конкуренции? Пусть и все более призрачная, но возможность пробиться в «верха» является для молодых «пассионариев» мощным стимулом. Это есть великий соблазн капитализма.

Всеобщая конкуренция за место под солнцем (война всех против всех по Гоббсу) атомизирует, разрушает общество, выделяет из него наиболее энергичных, «конкурентоспособных» особей. Это укрепляет господство клептократии, даже создает иллюзию ее несокрушимости. Но и оставшаяся часть «лузеров и терпил», а это подавляющая часть населения, не остается забытой. Элита сделала их соучастником разграбления, утилизации страны, заручившись полнейшей лояльностью со стороны населения. Россиянская биомасса готова согласиться с тем, что ею помыкает клептократия, при условии что она делится наворованным (ах, простите, законно присвоенным), подкидывает крохи с барского стола. На признании такого положения **СПРАВЕДЛИВЫМ** базируется сегодняшний консенсус между верхами и низами.

При этом стоит отметить, что хотя каждому в отдельности представителю низов достаются крохи, львиная доля барыша от разграбления природной ренты как основного источника существования РФ достается именно низам. Элита – это своего рода оператор процесса, довольствующийся комиссион-

ными в 5 % от общего гешефта. Остальные 95 % достаются массе. Колоссальный разрыв в потреблении между верхами и низами объясняется тем, что если 5 % национального дохода разделить на 10 тысяч представителей высшего слоя бенефициаров, то на каждого придется 0,0005 %. Остальные же 95 % приходится делить на поголовье в 146 миллионов, а это уже 0,00000065 %. Разрыв получается в 770 раз. Поэтому само по себе устранение клептократической верхушки не решает проблему бедности в России. Ее причина носит фундаментальный характер и заключается в низкой продуктивности рентной модели экономики, на которой паразитирует все общество в целом, а не только элита. В смысле приверженности паразитизму никаких противоречий между верхами и низами нет.

Значит ли это, что существующий порядок способен существовать вечно? Мол, верхам не следует забывать делиться – и тогда быдло сможет бесконечно долго находиться в состоянии рабской покорности. Нет, нет, нет и еще раз нет! Сама система самопоедания неизбежно приводит к истощению внутренних ресурсов. Это верно, так же как и то, что паразит, убивая свою жертву, лишает себя источника существования. Верхам еще есть, что присваивать, но обеспечить полную миску низам уже затруднительно, а скоро станет и невозможно. И это будет рубежом, на котором паразитический консенсус между верхами и низами неизбежно разрушится.

Какое-то, вероятно даже весьма длительное, время социальная матрица может существовать и самовоспроизводиться по инерции. Однако совершенно неизбежно конфликт интересов между полюсами общества будет нарастать. Наиболее остро он проявится между старыми элитами, всеми силами старающимися превратиться в сословие, и молодыми «пассионариями», стремящимися прорваться в верха. Так называемый средний класс первым пойдет под нож. Собственно, последние пару лет происходит медленное его удушье. Он уже сильно скукожился и продолжает усыхать, скатываться вниз.

Его представители утрачивают не только материальный достаток, но и социальный статус, что подчас очень болезненно ими воспринимается. Великая мечта либеральных романтиков сделать жизнь своими руками, добиться успеха благодаря своим способностям и воле рассыпается на глазах. Социальная мобильность почти полностью заморожена. Какие у среднего класса перспективы? Эмиграция или маргинализация, медленное погружение на дно, ассимиляция с массой «лузеров и терпил». Порождает ли это общественный конфликт? Полагаю, что да, хотя он не носит характер всеобъемлющего. Уехать из страны не имеет возможности даже значительная часть тех, кто хочет это сделать.

Движущей силой любой революции становится не тот общественный слой, которому нечего терять, а тот, которому тесно в рамках старого уклада, которому некуда расти.

Угроза же потерять то немногое, что у него есть, является мощнейшим мобилизирующим фактором, катализатором протеста. Можно сколь угодно уничижительно отзываться об офисном планктоне или интернет-хомячках, весь революционный порыв которых улетучивается за полчаса «срача» в соцсетях. Но именно «разгневанный горожанин» (кажется, так обозначил эту социальную группу Владислав Сурков?) обещает стать «хворостом» протеста, ставящего крест на путинизме.

А вот к ним присоединится уже некоторая часть низов, прежде всего городских, тех, что еще не окончательно биологизировались. Биологизация – реакция атомизированной массы «лузеров и терпил» на ухудшение условий существования. Что делает «маленький человек», когда у него перестает хватать денег на прокорм детей? Нет, он ни в коем случае не идет на штурм Зимнего и даже на большую дорогу с кистенем не выходит – он слишком труслив для этого. «Маленький человек» станет экономить, искать поденную работу, перейдет на подножный корм, замкнувшись на дачных шести сотках. Однако подобное существо органически не способно к бунту.

Но дальнейшее ухудшение среды обитания, ставящее забитого обывателя на грань физического выживания, активизирует у него уже совершенно животные инстинкты. Что делают волки в суровую зиму? Они, повинаясь инстинкту, сбиваются в стаю, потому что только стая может охотиться

на крупного зверя, например лося. Человек по природе своей есть социальное животное, и в стрессовой ситуации люди сбиваются в стаю. Здесь уже качества каждого отдельно индивида утрачивают силу, уступая место коллективному бессознательному. Часто случается так, что толпа, состоящая из трусов, ведет себя отчаянно смело, а толпа смельчаков разбегается, будучи охваченной паническим ужасом.

Что заставит обывателей сбиться в стаю? Это может быть все, что угодно. В феврале 1917 года беспорядки в столице империи начались из-за того, что в лавках на рабочих окраинах не оказалось хлеба. Все началось с разгневанных домохозяек, это уже потом подтянулись студентики, которым только дай повод пару прогулять, и рабочие с прогрессивной интеллигенцией. Сначала бабы вопили «Хлеба давай!», и только некоторое время спустя появились лозунги «Долой царя!» и «Хотим мира!».

Кто сказал, что власть не станет доводить народ до крайности? Кто вообще может сказать, где он, этот край? А если кто-то целенаправленно за этот край толкнет? Вспомните, с чего начался бунт на броненосце «Потемкин»: с борща, в котором морячки обнаружили червей. Вопрос в том, как они туда попали. Есть версия, что мясо было нормальным, просто кто-то специально швырнул в котел пригоршню опарышей.

Так что не исключено, что волнения, подобные бузе на шахте «Распадская» или пикалевским протестам, могут при-

обрести систематический характер. Теперь представьте, что стихийный бунт низов (например, погромы магазинов голодными безработными) наложился на протесты «рассерженных горожан», недовольных очередными фальсификациями на очередных псевдовыборах. И всех их вместе взятых решили поддержать дальнобойщики... Вот и понесся снежный ком с горы, на глазах превращаясь в лавину, все сметающую на своем пути!

Поэтому, господа охранители, не стоит успокаивать себя мыслью, что там, в верхах, паханы все держат под контролем и не допустят обострения ситуации до опасного предела. Если ресурсов для тушения социального пожара не хватит, то работяги с «Уралвагонзавода» действительно приедут в Москву, как обещали, но уже не либеральные прыщи давить, а постучать кувалдой в кремлевские ворота. То, что ресурсов для поддержания стабильности рано или поздно не хватит, следует из характеристики российской системы, заточенной на самоуничтожение, прожигание ресурсов, а не на созидание.

Поясню последний тезис. Устойчивое развитие социальной системы возможно лишь в том случае, если она способна наращивать ресурсы (материальный, интеллектуальный, информационный, технологический, духовный и т. д.) для своего существования. Если ограничить вопрос сферой экономики, то жизнеспособной является та экономическая система, которая наращивает производство добавленной стои-

мости. Экономика РФ базируется на извлечении природной ренты, запасы которой носят исчерпаемый характер. Следовательно, либо общество должно найти замену своему основному ресурсу существования, либо существование общества станет в будущем невозможным. И это не какое-то там абстрактное будущее, а будущее самое ближайшее, до которого большинство из нас доживет.

Вот что значит системный фактор. Нежизнеспособная социальная система приходит в упадок даже не потому, что сталкивается с внешней угрозой, а лишь потому, что в ее геном зашит ген самоуничтожения через самопоедание. Система подрывает базу своего существования, чахнет и рассыпается. Это называется системным кризисом.

Динозавры умрут от голода

С переходом системного кризиса к завершающей стадии, то есть переходу от загнивания к распаду, в дело вступает **ФАКТОР УСЛОВИЙ**. Любая социальная система (государство – это геосоциальная система) может деградировать и разлагаться бесконечно долгое время, если она находится, например, в изоляции. Если сравнить в этом плане Северную Корею и РФ, то первая, благодаря своей изолированности от мира, представляет собой более жизнеспособную систему (речь идет именно о способности существовать в условиях жесткого дефицита ресурсов). Россия же глубоко вовлечена в систему мирового разделения труда, не обладает суверенной финансовой системой, да и суверенной элиты давно не имеет. У страны нет ресурсов для строительства «железного занавеса» и нет возможности существовать за ним, что делает ее крайне уязвимой перед угрозами, прежде всего экономическими, исходящими извне.

Кто ж тебе даст разлагаться в свое удовольствие? Когда Речь Посполитая деградировала к середине XVIII столетия, ее тут же попилили между собой Пруссия, Австрия и Россия. В XIX веке Китай, застрявший в сонном средневековье, стал жертвой экспансионистских устремлений быстро модернизированной Японии. Не остались в стороне и европейские державы, находящиеся от него на другой стороне планеты.

Множество слабых государств третьего мира, формально обладая атрибутами независимости, тем не менее порой полностью утрачивают суверенитет, становясь придатком более развитых социальных систем, будь то государства или наднациональные структуры (ТНК).

Примем за истину, что стабильность пришедшей в упадок социальной системы может быть нарушена путем внешнего воздействия еще до момента исчерпания внутренних резервов. Совершенно очевидный случай, когда нежизнеспособные социальные системы гибнут в результате воздействия внешнего фактора, – война. Любая, даже победоносная война подрывает ресурсную базу системы, требует от общества мобилизации, моральных усилий и физических лишений. Но если у общества нет достаточных стимулов, для того чтобы спасти государство и элиту, интересы которых расходятся с интересами подавляющей массы народа, то возникает тот самый конфликт интересов, при котором «верхи не могут, а низы не хотят».

Российская империя, не вляпаясь она в 1914 г. в общеевропейскую войну, могла загнивать еще довольно длительное время – может, 10, а то и все 20 лет. Но она влезла в ненужный и непосильный для себя конфликт, подорвала свои силы. Социальные противоречия обострились, и в результате разразилась революция. Франция в те же годы перенесла напряжение, гораздо большее, чем Россия, но там революции не произошло, даже революционная ситуация не

сложилась. В здоровом обществе, в устойчивых социальных системах, революции не происходят, даже если неблагоприятный фон к этому располагает. Если отсутствует системный кризис, сложение фактора условий и системного фактора не происходит. Без этого возникновение революционной ситуации невозможно.

Итак, один из важнейших факторов, создающих условия для революционного кризиса, – внешний. Сегодня широко распространена точка зрения, что Февральская революция 1917 г. в России – результат заговора, центром которого являлись английское и французское посольства. Я когда-то тоже был склонен преувеличивать значение козней наших «партнеров» по Антанте. Однако, рассуждая логически, революция в России именно зимой 1917 г. была совершенно не нужна ни Лондону, ни Парижу. Ведь на весну на Восточном фронте было намечено генеральное наступление. С ударами русских увязывались и активные действия на Западном фронте. Так зачем мешать русскому мужику проливать кровь за интересы европейского капитала?

Окончится наступление провалом – тогда и царя свергать будет сподручнее. Даже в случае успехов на фронте в тылу жизнь будет только ухудшаться. Это показал 1916 г., когда на фоне военных побед (Брусиловское наступление) в стране наблюдался резкий рост забастовочного движения и ухудшение материального положения широких масс. Ведь низы, неся бремя войны, ровным счетом ничего не получали от по-

беды.

Давайте посмотрим на ситуацию глазами русских генералов, которые выступили главной движущей силой переворота. Уж какими бы недалекими солдафонами они ни были, их целью была победа в войне, а вовсе не революция. А что нужно было для того, чтобы победить в войне? Концентрация усилий фронта и тыла! В XX веке воевали уже не просто армии, а прежде всего экономики. В 1916 г. Генеральный штаб представил государю свои соображения на тему, «как нам победить в войне». В числе совершенно необходимых мер значились национализация военной промышленности и введение военного положения на транспорте. Это настолько очевидные вещи, что сегодня нам кажется совершенно необъяснимым, почему данные шаги не были предприняты ранее.

Ну, ладно, в 1914 г. все стороны рассчитывали завершить войну к Рождеству. Но почему милитаризация экономики не была предпринята в 1915 г., ознаменовавшемся тяжелейшими поражениями на фронте? Одной из причин военных неудач и потерь русской армии стал знаменитый снарядный голод. Объяснение его просто чудовищно – владельцы военных заводов вступили в сговор и решили «попридержать товар», для того чтобы взвинтить цены на снаряды. Есть основание полагать, что имел место и саботаж со снабжением фронта, потому что запасов снарядов, накопленных в мирное время, вполне должно было хватить на год войны, даже

если не вводить режим жесткой экономии.

Почему подобное стало возможным? Это и есть системный фактор в действии. Российская империя представляла собой умирающего, впадающего в маразм феодального динозавра, окруженного мускулистыми и агрессивными капиталистическими хищниками. Государство разлагалось изнутри, система управления деградировала и не могла справиться с вызовами военного времени. Такая форма управления, как самодержавие, стала совершенно неадекватной в век радио и аэропланов, когда тысячи решений нужно принимать ежеминутно, а для их принятия следует обладать соответствующей компетенцией.

Ситуация, когда решение важнейших вопросов замыкалось на монарха, монарха безмозглого и слабохарактерного, озабоченного более семейными делами, нежели нуждами империи, делало положение просто катастрофическим. Впавшая в старческую деменцию государственная система была не в состоянии принимать решения, необходимые для самосохранения, не могла реализовать те решения, которые все-таки принимались. Неудивительно, что частный капитал решил воспользоваться возможностью увеличить норму прибыли за счет казны. В результате армия не получала в нужном объеме вооружений и боеприпасов. Капитал был в этом не заинтересован. Капиталу чужды патриотизм и чувство долга. Капиталу не нужна победа в войне «страны прописки», если на поражениях и неудачах можно получить

большой гешефт. Россия оказалась неспособной обеспечить свою армию даже винтовками, производство которых пришлось размещать в США, закупались винтовки и в Японии. На это тратилось дефицитное золото. Но пойти на национализацию военной промышленности царь боялся.

Не меньшую угрозу представляла и дезорганизация на транспорте. Зимой 1916–1917 гг. из-за срыва поставок сырья и угля останавливались многие заводы. В Москве разразился дровяной кризис, в Петрограде – хлебный. Транспорт, функционирующий в режиме мирного времени, не мог справляться с более сложными задачами военного периода. Продолжать ведение войны в таких условиях было крайне затруднительно.

Поэтому попытка генералов сместить царя-маразматика, отказывающегося воевать по-взрослому, была совершенно логичной и даже неизбежной, учитывая, что на весну планировалось решительное наступление. Если система управления не соответствует требованиям времени, ее нужно менять. Ключевым звеном системы управления был царь. Соответственно, его и требовалось устранить. Но ни у генералов, ни у вступивших с ними в сговор думцев, ни у тем более членов правящего дома Романовых (третий центр заговора), разумеется, и в мыслях не было свергать в России саму монархию. В их намерения входило отодвинуть от кормила власти обанкротившегося Николашу, заменив его номинальным государем Мишей, который станет сидеть тихо и не

отсвечивать, послушно подписывая проекты указов и приказов, разработанных в Генеральном штабе. Таким образом, генералы рассчитывали за два месяца осуществить необходимые мобилизационные мероприятия в тылу, на транспорте и пойти в решительное наступление, которое, по их чаяниям, приведет к победе в войне. Логично?

В интересах ли стран Антанты было ввергать Россию в хаос именно сейчас? Почему бы не подождать, пока русский мужик не обеспечит своей кровью победу в войне западным союзникам? Так что если английское и французское посольства и были в какой-то форме вовлечены в заговор, вряд ли их намерения сильно расходились с планами генералитета.

Почему же все пошло наперекосяк? Вот тут и сыграл свою роль непредсказуемый **ФАКТОР УСЛОВИЙ**. В конце февраля в Петрограде вспыхнули беспорядки, спровоцированные дефицитом хлеба. И если бы дело заключалось в одном только хлебе, локальное недовольство не переросло бы в масштабный бунт. Но перебои с хлебом, вызванные провалами в работе транспорта, послужили лишь поводом для выражения недовольства, причины же протестов имели куда более серьезные основания. Тут сыграла свою роль общая усталость от войны, цели которой не разделялись широкими массами. Вызванная войной дороговизна привела к снижению жизненного уровня низов. Буржуазия и «средний класс» традиционно проявляли недовольство политическим режимом – пережитком феодализма.

Почему волнения не были подавлены силой? Вот это очень интересный вопрос. Высший слой бюрократии империи в значительной массе состоял из членов правящего дома, а «заговор великих князей» являлся звеном тройного заговора военных, думцев (буржуазии) и высшей аристократии. Значит, высшие сановники имели возможность блокировать работу полиции. Действительно, полиция, которая могла в те дни подавить бунт в зародыше, бездействовала. Военные также имели возможность повлиять на ситуацию, но, видимо, решили использовать беспорядки в столице для оказания давления на государя. Возможно, они неверно представляли масштаб проблемы. И уж точно войска перешли на сторону протестующих без воли на то генералов.

Беспорядки в Петрограде приняли неконтролируемый характер. Дума, которую царь распустил перед своим отречением, находилась в ступоре, боясь высунуть нос из Таврического дворца. Николай II отрекся от престола, но великий князь Михаил, видя, как хаос охватывает все вокруг, испугался и отказался принять верховную власть. Вот так **ФАКТОР УСЛОВИЙ** спутал заговорщикам все карты: хотели сменить монарха, а обрушили монархию. Далее ход событий уже никто не мог контролировать: в столице сложилось двоевластие (Временное правительство и петроградский Совет); в армии образовалось двоевластие (командная вертикаль и солдатские комитеты); на производстве и транспорте тоже возникло двоевластие (владельцы с управляющими и

фабрично-заводские комитеты, отраслевые советы). Страна быстро погрузилась в смуту.

В считанные дни сложилась революционная ситуация: низы не пожелали жить по-старому, а верхи расписались в полнейшей неспособности по-старому управлять. Произошло это в результате наложения двух факторов – системного и фактора условий. Если бы система оставалась дееспособной, никакие волнения не смогли бы привести к краху. Если бы в момент дворцового переворота не произошло волнений в столице, если бы войска Петроградского гарнизона сохранили верность режиму, монархия в России еще продержалась некоторое время. Вышло так, что случайное стечение обстоятельств и событий, которое никто не мог ни предвидеть, ни предотвратить, вызвало революцию в России.

Значит ли это, что революцию можно было остановить? Нет, системный фактор неумолим: если система сгнила и не отвечает требованиям времени, она рухнет. Но вот КОГДА она рухнет, зависит от условий. Вступление России в войну, цепь неудач, усталость населения от войны, дезорганизация на транспорте и в промышленности, множество других условий создали предреволюционную ситуацию, при которой социальная система и экономическая конструкция находятся в очень неустойчивом состоянии и могут разрушиться в любой момент при наложении двух и более неблагоприятных условий. Нарушение равновесия системы приводит к созданию революционной ситуации. Если оперировать понятия-

ми из области физики, то война стала причиной перехода социальной системы из метастабильного к нестабильному состоянию, а нестабильное состояние обрушилось в хаос из-за попытки изменить систему управления.

Можно ли целенаправленно создать революционную ситуацию? Нет, можно попытаться спровоцировать условия, в которых возникает революционный всплеск. Но если отсутствует базовое условие – системный кризис, или этот кризис еще не вступил в завершающую стадию (метастабильное состояние системы не перешло в нестабильное), любые попытки вызвать революцию путем кесарева сечения останутся бесплодными.

Даже когда вроде бы все условия созрели, трудно рассчитать, когда, где и какие события способны дать толчок революции (переходу от нестабильности к хаосу). Возвращаясь к ситуации февраля 1917 г., можно утверждать, что именно наложение двух событий – а именно это верхушечный анти-николаевский заговор и низовое волнение в столице – спровоцировало крах империи, в достаточной мере прогнившей и ослабевшей к тому времени. Но если бы эти события оказались разнесены во времени, кто знает, сколько бы еще продержался царизм в стране?..

Сейчас в РФ уже вполне оформилась метастабильная предреволюционная ситуация: система деградировала, почти исчерпала запас прочности; ресурсная база, необходимая для поддержания устойчивости, неуклонно сокращает-

ся. Но условий для того, чтобы правящий режим рухнул, словно карточный домик, пока нет. Однако аналогии с ситуацией столетней давности прослеживаются невооруженным взглядом:

– Как и тогда, страна вляпалась в совершенно ненужные войны, цели которых непонятны, наверное, даже для тех, кто их затеял.

– Как и тогда, РФ потеряла значительную часть экспортных доходов, что надорвало экономический базис системы. Напомню, что в начале XX столетия основными статьями экспорта были зерно и нефть, а основным торговым партнером России являлась Германская империя.

– Россия снова упустила момент, когда крах системы можно было предотвратить или, по крайней мере, значительно отсрочить, с помощью мобилизационного рывка. Романовская империя могла удержаться от падения в пропасть, прими царь-тряпка всерьез рекомендации генералитета о необходимости национализации оборонной промышленности и мобилизации тыла. Нынешний режим гипотетически мог отодвинуть свой крах, если бы нефтяные сверхдоходы 20-летия путинской стабильности не оказались бездарно промотаны, а целенаправленно использовались для создания несырьевого контура экономики. Однако все годы путинизма продолжалась ускоренная утилизация остатков советского технологического и промышленного потенциала.

Кстати, я веду речь не только о «железе», которое в лю-

бом случае устаревает и нуждается в обновлении. Гораздо более опасна, хотя и менее заметна, утрата научных, инженерных и рабочих кадров, способных это «железо» спроектировать, построить и эксплуатировать. Ладно, еще лет пять назад можно было успокаивать себя тем, что мы продадим нефть и все, что надо, купим за границей, включая самое современное «железо». Но сегодня нефтяная палочка-выручалочка вдруг перестала быть волшебной. В наследство от «тучных» лет России достались колоссальные долги. Ныне 40 % валюты, поступающей в страну от экспорта, уходит на выплаты по нахапанным тогда кредитам.

– Как и сто лет назад, в стране медленно, но верно нарастает управленческий хаос, связность системы управления разрушается, субъект управления рвет нити, связывающие его с управляемым объектом. То есть если переложить последнюю фразу доступным языком, бюрократия впадает в маразм. В 1916 г. туркестанский генерал-губернатор боролся с инфляцией тем, что приказывал пороть тех торговцев на базаре, которые, как ему казалось, необоснованно завышают цены. Можно ли придумать нечто менее адекватное? Сегодня карательные органы сажают за решетку блогеров и пользователей соцсетей, позволяющих себе высказывать крамольные мысли, например о том, что бога нет. Но как это может спасти кремлевский режим от краха?

– Сейчас, как и тогда, власть стремительно теряет авторитет (не путать авторитет с рейтингом). Тогда в народе суда-

чили, что царица спит с Распутиным и шпионит на кайзера. Ныне народ обсуждает таланты близкого к телу виолончелиста и стремительный рост благосостояния царского зятка.

– Сегодня, как и век назад, Запад имеет мощные финансовые рычаги воздействия на нашу элиту, только характер этого влияния имеет иную природу. Тогда царское правительство влезло по уши в долги к лондонским и парижским банкирам. Стабильность финансовой системы Российской империи находилась в полнейшей зависимости от благорасположения зарубежных кредиторов. Нынешние хозяева РФ вывезли на запад капиталы, которые они «заработали рабским трудом на галерах», и таким образом попали в зависимость от тех, кому отдали «свои» деньги.

– Сейчас, как и перед крахом романовской империи, элита расколота на два лагеря – либералов-космополитов и имперцев-консерваторов. Тогда граница была очерчена четче: верхушка бюрократии и духовенство принадлежали к консервативному лагерю, а нарождающаяся экономическая элита – буржуазия – все решительнее требовала либерализации системы.

Нынче буржуазии как таковой нет. Власть и собственность слиты воедино, поэтому по внешним признакам трудно различить «имерцев» и «либералов». Но факт раскола это не отменяет, и с каждым днем противоречия между этими группировками элитариев будут лишь нарастать. Например, между теми, кто попал под санкции, и теми, кто стал залож-

ником политики конфронтации с Западом.

Когда баррель зашкаливал за \$100, ресурсов на раздербан хватало всем, а что не могли «освоить» сразу, отдавали в долг Америке. А сейчас «кормовая база» клептократии резко сократилась, и скоро в повестке дня встанет вопрос о сокращении количества «едоков». Ни имперцы, ни либералы не желают стать этими самыми лишними едоками. Внешняя монолитность путинского режима обманчива. По мере обострения экономических проблем будет рушиться и «дружба» элитариев, что самым фатальным образом скажется на устойчивости системы и создаст дополнительные условия для возникновения революционной ситуации.

Кто делает революцию?

Итак, для возникновения революционной ситуации достаточно двух причин: системного кризиса и комплекса неблагоприятных условий, выводящих систему из равновесия. Но для того, чтобы произошла, а тем более победила революция, этой совокупности не хватит. Нужен СУБЪЕКТ, который воспользуется революционной ситуацией и заявит свою претензию на гегемонию; субъект, представивший проект альтернативной социальной системы; субъект, который способен стать генератором новой элиты, формирующей каркас новой системы.

Напомню, что системный фактор определяет, ПОЧЕМУ происходит революция; от фактора условий зависит, КОГДА разразится революционный кризис; субъектный же фактор отвечает за то, КАКОЙ революция будет.

Может ли так случиться, что революционная ситуация назрела, а революционного субъекта нет или он очень слаб? Конечно, может. В этом случае либо революционный кризис разрешается в пользу реакции, и ситуация на какое-то время стабилизируется, отодвигая свой конец; либо социальная система, впад в хаотическое состояние, будучи не в состоянии нащупать новую парадигму развития, разрушается необратимо. В этом случае она не претерпевает революционных изменений, а, например, разваливается на части. Так на месте

одного государства может появиться, скажем, три, причем страдающие одинаковыми болезнями.

Рассмотрим пример первой русской революции. Системный кризис в стране налицо: самодержавие деградирует уже не одно десятилетие. Россия безнадежно отстает в научно-технической гонке от передовых стран Запада и даже от Японии, которая осуществляет форсированную индустриализацию.

Экономическую ситуацию можно охарактеризовать так: перманентный кризис с небольшими передышками. Государственные финансы после реформы Витте плотно сидят на кредитной игле. Нет ни одного года с бездефицитным госбюджетом, государственный долг стремительно нарастает. При этом обслуживать его становится все проблематичнее, поскольку цены на зерно постоянно снижаются, а на нефтяном рынке Рокфеллер агрессивно теснит Россию.

Более сорока лет с момента отмены крепостного права не удается решить земельный вопрос. Сельское хозяйство остается крайне непродуктивным, в нем доминируют архаичные технологии. При этом крестьянское население продолжает увеличиваться. Земельный фонд в расчете на одного едока сокращается. Как следствие в деревне нарастает социальное напряжение.

А тут еще и война на Дальнем Востоке, война, для романовской империи настолько бессмысленная, насколько она вообще может быть лишеной смысла. Даже в случае победы

Россия не получала ровным счетом ничего, поскольку принципиальных противоречий с Японией не имела, ресурсами для форсированного освоения дальневосточных территорий и Маньчжурии на обладала. Торговать через «окно в Азию» стране было совершенно нечем, никаких сырьевых источников она там не искала. Это был тот случай, когда издержки на ведение войны даже в случае победы не окупались.

Системный фактор наложился на фактор условий 9 января 1905 года, когда войсками была расстреляна рабочая демонстрация, направлявшаяся к Зимнему дворцу для передачи государю петиции. Это событие стало триггером революции. Можно долго спорить о том, стало Кровавое воскресенье тщательно спланированной провокацией (чьей?) или к кровопролитию привела цепь трагических случайностей. В контексте рассматриваемого вопроса это совершенно не имеет значения. Революционная ситуация возникла, страна забурлила. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, рабочие бастовали, террористы взрывали высших сановников. Но кто за всем этим стоял, кто руководил и направлял, определял цели, ставил задачи? В чьих интересах происходила вся эта «движуха», кто от этого выиграл? Существовал ли СУБЪЕКТ, имеющий своей целью слом старой системы и строительство новой? Давайте разберемся.

Революция могла носить только буржуазно-демократический характер. Поэтому будет логичным предположить, что именно буржуазия и являлась тем самым революционным

субъектом, точнее, выдвинула его на политическую сцену. Однако на самом деле буржуазия в России еще не выросла из детских штанишек, была финансово слаба, политически незрела, не имела классовых инструментов защиты своих интересов, будь то партии, отраслевые союзы, лоббистские клубы, масонские ложи и т. д. К тому же буржуазия находилась между двух огней: сверху развитие капитала тормозило самодержавие, отчаянно пытавшееся сохранить свой феодальный статус-кво. Снизу же угроза исходила от нарождающегося рабочего движения, покушающегося на святое — норму прибыли.

Дальновидные охранители режима, верно оценив угрозу монархии, исходящую от крепнущего капитализма, пытались сыграть на противоречиях между трудом и капиталом. Так возник, например, феномен «полицейского социализма», автором концепции которого считается жандармский полковник Сергей Зубатов. Суть идеи сводилась к тому, чтобы создать контролируемое охранкой рабочее движение, ставящее перед собой исключительно экономические цели (улучшение положения рабочих), но дистанцирующееся от политической борьбы.

Этот инструмент Зубатов планировал использовать для давления на буржуазию, которая постоянно нуждалась бы в мощи госаппарата, обладающего силовыми структурами, способными подавить рабочее движение. В целом замысел оказался провальным, потому что надежно контролировать

рабочее движение, увести его в сторону от политики не получилось. Со всей очевидностью это показала одесская стачка 1902 года, быстро принявшая неконтролируемый характер.

В общем, буржуазия, какой бы передовой она сама себе ни казалась, продемонстрировала свою неготовность стать генератором революционного субъекта. К тому же правящий режим не стал в ходе кризиса обострять отношения с «третьим сословием», бросив буржуазии кость в виде Манифеста 17 октября 1905 года, обещавшего некоторые демократические полусвободы и политические полуправа. Капитал лелеял иллюзии, что, получив возможность отстаивать свои интересы в парламенте, он постепенно дождет самодержавие без баррикад на улицах и горящих барских усадеб.

Кстати, когда я говорю о капитале и буржуазии, то имею в виду и так называемую «передовую интеллигенцию», то есть интеллигенцию, органическую по классификации Антонио Грамши, интеллигенцию, порождаемую передовым классом и выполняющую функцию генератора смыслов, роль идеологического рупора буржуазии. Революционно настроенная, либеральная, прозападная интеллигенция противостояла интеллигенции традиционной (по Грамши), которую воспроизводят общественные институты, принадлежащие к старому укладу.

Скажем, духовенство или офицерство – интеллигенция традиционная, генерируемая традиционными общественными и государственными институтами, возникшими еще в фе-

одальную эпоху. А вот техническая интеллигенция, университетская профессура, газетные репортеры – это уже интеллигенция, порождаемая новым укладом. Спрос на ее услуги создается передовым классом, каковым в начале XX столетия являлась буржуазия. Самым естественным образом эта органическая интеллигенция становилась источником революционных идей.

Кстати, рождение органической интеллигенции, как ее понимал Грамши, происходит и сегодня, на наших глазах. Традиционные СМИ в целом выполняют роль охранительную. Если же вы желаете новых идей – добро пожаловать в блогосферу. Конечно, свыше 90 % контента здесь – всевозможный мусор типа фитоняшек и светских сплетен, но при желании вы без труда найдете таких блогеров, как `el_murid` или `kungurov`. Но это так, к слову...

Могла ли революционная интеллигенция, вырвавшись внутри нее организации играть в 1905 году роль революционного субъекта? Конечно, нет. Хотя бы потому, что она была неотделима от передового класса (буржуазии) и не играла самостоятельной роли. Совершенно иначе обстояло дело в период перестройки, когда именно интеллигенция сыграла роль главного могильщика советского строя. Однако к тому времени она имела в обществе куда более значимую роль, являясь, не побоюсь такого определения, передовым общественным классом.

Способен ли был пролетариат взять на себя роль револю-

ционного субъекта? Если уж буржуазия оказалась не готова к этому, то что говорить о совершенно незрелом пролетариате. Не стоит забывать, что большинство фабрично-заводских рабочих являлись рабочими в первом поколении, только-только вышедшими из деревни, не разорвавшими пуповину, связывающую их с сельской общиной. Частым явлением была откочевка рабочих в деревню в сезон полевых работ. Разве мог столь незрелый класс выдвинуть из своей среды революционного субъекта?

Российские социал-демократы называли свою партию рабочей, однако по сути своей это была буржуазная партия, состоящая большей частью из интеллигентов, а слово «рабочая» в названии разве что апеллировало к потенциальному электорату. Застолбили себе «лейбористскую» нишу заранее, в ожидании наступления в стране эпохи парламентской демократии. Так или иначе, но социалистические партии в революции 1905 г. сколь-нибудь значимой роли не играли, являясь, если так можно сказать, субподрядчиками на ниве организации низовой «движухи» и террора (эсеры).

Крестьянство, самое многочисленное сословие империи (свыше 80 % населения), также не способно было выдвинуть субъекта, определяющего революционную повестку дня. Однако именно крестьянство более всего выиграло даже от проигравшей революции, получив отмену выкупных платежей, ярма, наложенного на него еще в 1861 году. Впрочем, это не решало ключевой для России земельный вопрос.

Значит ли все вышесказанное, что цепь событий революции 1905–1907 гг. носила стихийный, случайный характер? Нет, если принять версию, что главными субъектами революции выступали внешние силы. Это было вполне логичным. Войну Японии с Россией финансировал западный, прежде всего английский, капитал. Проигрыш островной империи означал потерю всех инвестиций, вбуханных в ее милитаризацию. Могли ли капиталисты допустить такое?

Между тем нанести военное поражение России представлялось делом невыполнимым. Даже полный разгром русского флота в Порт-Артуре и при Цусиме лишь обеспечивал Японии возможность ведения боевых действий на суше. Но разгромить все более усиливающуюся русскую армию – задача, практически невыполнимая. Если в начале войны пропускная способность Транссибирской магистрали составляла всего две пары поездов в сутки, то теперь она была доведена до 12 пар в день. Действующая армия могла в достатке получать припасы и пополнение. Для Японии же, по мере удаления линии фронта от побережья, транспортное плечо возрастало. Вести затяжную войну на истощение Япония не могла, поскольку и так уже находилась в состоянии высшего напряжения сил.

Из этого естественным образом вытекает, что если Россию нельзя разбить на фронте, это необходимо сделать в тылу – создать империи такие внутренние угрозы, перед лицом которых она вынуждена будет искать мира с Японией.

Бурные события 1905 г. как раз и стали «вторым фронтом» против России. И за всем этим вполне определенно торчали уши внешних «модераторов». Довольно подробно этот вопрос рассмотрен в моей книге «Как делать революцию. Инструкция для любителей и профессионалов». Как только Петербург замирился с Японией и получил в Париже золотой займ на кабальных условиях, революционный накал в стране пошел на спад.

В целом картина получилась следующей: система показала себя достаточно сильной, чтобы выдержать революционный кризис. Революционный субъект внутри общества еще не созрел, не оформился. В итоге революция проиграла, реакция победила, империя отсрочила свою смерть на десятилетие.

В начале 1917 г. ситуация была уже несколько иной. Тройной заговор военных, думцев (буржуа) и аристократов (великие князья) представлялся уже серьезным субъектом. Парадокс в том, что сами заговорщики не воспринимали себя в качестве революционного субъекта и не имели цели совершить революцию, которую невольно спровоцировали своими действиями. Но по факту субъекту пришлось стать революционным, хоть он и был к этому не готов.

Качества субъекта определили и характер Февральской революции, в ходе которой верхи вроде бы получили все, о чем ранее даже не могли мечтать. Получили, но не знали, как удержать. Естественным стремлением элиты стало «притор-

мозить» революцию. То есть революционный субъект стал стремительно мутировать в контрреволюционный.

Сейчас довольно распространена такая точка зрения, будто Октябрьская революция – не более чем продолжение Февраля, его этап, следствие, естественный итог. Я считаю такое мнение в корне неверным. Дело в том, что после краха самодержавия на сцену вышел совершенно иной субъект, представляющий иные слои общества. По сути, Февральская революция – верхушечный переворот. Представители элиты решили переставить мебель в гостиной и ненароком разрушили ветхое здание империи. Элита перепугалась, не знала, что делать с массами, которые все более «разогревались». Массы все настойчивее выдвигали свои требования, прежде всего требования мира и земли, которые элита была не в состоянии удовлетворить, но и открыто отвергнуть страшилась.

Вот тут-то на сцену решительно вышел новый революционный субъект, взявший на себя смелость быть выразителем интересов низов. Для простоты будем обозначать этого субъекта как ленинскую «партию нового типа» – РСДРП(б), хотя по факту субъект был, конечно, многоуровневым и сложно-составным. Подробнее я затронул этот вопрос в посте «Россию ждет большая чистка», говоря о роли Генерального штаба императорской армии в осуществлении Октябрьского переворота и последующем становлении Советской республики.

Февраль — это то, что мы называем сегодня цветной революцией. Давайте будем разделять революции на верхушечные («цветные») и социальные. В чем различие между ними? Как отмечалось на научно-экспертной сессии «Ждет ли Россию революция?», проведенной центром Сулакшина, разница между ними в том, что в случае цветной революции революционный субъект формируют верхи. Объектом воздействия со стороны верхушки выступает народ. Элита перестроит государство и общество сообразно своим интересам. В ходе социальной революции революционный субъект уже действует от имени низов, диктуя свою волю верхам, или просто сметая их, если они не способны или не желают удовлетворять требования масс.

Если смотреть в этом ключе, то период с февраля по октябрь 1917 года вместил в себя две разные по характеру революции. Историк Андрей Фурсов как-то точно подметил, что в момент революции подлинно революционный класс должен, хотя бы на короткое время, вылезти из своей классовой шкуры и стать выразителем интересов всего общества (подавляющей его части). Только это может обеспечить безоговорочный успех революции. Вот и давайте посмотрим, насколько это утверждение верно применительно к истории революции 1917 г.

Сумели ли февральисты стать выразителями интересов общества в целом? Да, падение самодержавия было встречено населением столиц и крупных городов с бурным восторгом.

Царизм себя уже изрядно дискредитировал, особенно в глазах просвещенной части общества. Но поддержка Временного правительства была как бы авансом. Низы желали реальных, а не верхушечных перемен: прежде всего – земли и мира.

Но революционный субъект, представленный имущими классами, к такому повороту не был готов. Генералам нужна была победа в войне. У политиков руки были связаны обязательствами перед Антантой. Капиталисты жаждали барышей на военных заказах. Крупные землевладельцы вовсе не настроены были делиться с чернью своими экономическими активами. Революционный класс не смог вылезти из своей классовой шкуры и потому оказался сметен.

Было ли неизбежным в 1917 г. перерастание «цветной» революции в социальную? Не вижу даже гипотетических возможностей «заморозки» революции на этой стадии. Да, февральский «майдан» в Петрограде поначалу был выгоден заговорщикам, они использовали его как рычаг давления на царя Николая, вынуждая того уступить трон Михаилу. И вот отречение состоялось, всем спасибо, все свободны, а «майдан» даже не подумал расходиться, распространяясь вширь и вглубь со скоростью лесного пожара. В считанные дни вышли из-под контроля армия и флот, полиция была упразднена. В столице возникла крайне опасная ситуация двоевластия. Джинна уже невозможно было загнать в бутылку, нельзя «выключить» революцию.

Не станем сбрасывать со счетов ключевой в подобной ситуации системный фактор. Система, прогнившая до крайности, просто рухнула, и верхи уже не имели привычных рычагов управления. Жандармерия ликвидирована, в армии все больший вес приобретали солдатские комитеты, на транспорте и производстве распоряжения из министерств и указания директората игнорировались, если фабзавкомы и отраслевые советы имели на сей счет другое мнение. Финансовая система, находящаяся в предсмертном состоянии с момента реформ Витте, наконец испустила дух. В сложившейся ситуации власть стала до того шаткой, что удержать ее верхи могли исключительно благодаря широкой народной поддержке, поскольку их господство уже совершенно не могло опираться на инструмент насилия. Поэтому появление нового революционного субъекта в данных обстоятельствах я считаю неизбежным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.